

УДК 159.972

© Косилова Е.В., 2019

Косилова Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент, кафедра онтологии и теории познания философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991 Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4). В журнале «Человек» публикуется впервые.
Электронная почта: implicatio@yandex.ru

САМОСОЗНАНИЕ ПРИ АУТИЗМЕ

Е.В. Косилова

Аннотация. Исследуется формирование смыслового сознания и самосознания в норме и при расстройствах аутистического спектра (РАС). При РАС у больного наблюдается отсутствие модели психического (сознания других людей): он не может встать на точку зрения другого человека. У него нет коммуникативной речи, вследствие чего отсутствует обучаемость в детстве. Согласно многочисленным данным, в основе РАС лежат нарушения сенсорной сферы в виде гиперчувствительности. Это приводит к торможению во многих сенсорных каналах, а также к торможению ряда рефлексов. Отсутствует взгляд в глаза, в результате чего не формируется совместное внимание. Ребенок не прослеживает взгляд матери и не понимает указательного жеста. Этот жест в норме является универсальным означающим, формирующим у субъекта горизонт потенциальности. Этот горизонт дает возможность вырваться из точки здесь-и-сейчас, что приводит к изменению структуры субъекта с эгоцентрической на эксцентрическую.

Эксцентрическая позиция (Плеснер) означает, что у субъекта имеется непосредственное «Я» и рефлексивное «Я». Для формирования эксцентрической позиции необходимо участие Других. Однако при аутизме отсутствует горизонт потенциальности и эксцентрическая позиция. Анализируется происхождение рефлексии и указывается, что рефлексивное «Я» формируется путем интериоризации взгляда и речи Других. Поэтому без взаимодействия с Другими невозможно формирование рефлексивного «Я». Делается вывод, что самосознание формируется ранее, чем рефлексия, позже всего формируется модель психического. Формирование модели психического, как и собственно эксцентрической позиции, может растянуться на всю жизнь субъекта. Делается предположение, что так происходит у некоторых субъектов с РАС, которым удалось преодолеть аутизм. Также рассматривается вопрос о тормозной доминанте в эксцентрической субъектной позиции. Рефлексивное «Я» оказывает тормозящее действие на непосредственное «Я», благодаря чему достигается тонкость в управлении собой и отстранение от внутренних импульсов.

Ключевые слова: аутизм, самосознание, расстройства аутистического спектра, эксцентрическая позиция, интериоризация, рефлексивное «Я», модель психического.

Для цитирования: Косилова Е.В. Самосознание при аутизме // Человек. 2019. № 2. С. DOI:

Среди многочисленных симптомов аутизма и расстройств аутистического спектра (РАС) важное место занимает нарушение самосознания. Несмотря на то, что аутисты кажутся погруженными в «себя», напоминают интравертов, отказываются от общения, рефлексия и самосознание у них развиты весьма слабо. Если рефлексия является интериоризированным взглядом Других, то при дефиците общения она действительно будет формироваться замедленно, а при отсутствии такового ее не будет вовсе. Однако наиболее общительные

люди далеко не всегда являются и наиболее рефлексивными. К тому же при шизофрении гиперрефлексивность коррелирует с нарушениями общения, вплоть до так называемого шизофренического аутизма (с РАС он не имеет ничего общего). Поэтому мы попытаемся выявить, в каком смысле самосознание зависит от Других. Мы проследим ступени формирования смыслового сознания в детстве — в норме и при аутизме.

Но сначала нужно ответить на вопрос, что такое аутизм? Расстройство аутистического спектра всегда проявляется в раннем возрасте. Самый заметный симптом — отсутствие у детей коммуникативной речи. Раньше, до введения понятия аутизма в 1940-х годах, они считались слабоумными, поскольку их крайне трудно чему-то научить, даже простому уходу за собой. Однако сейчас ясно, что в основе всех нарушений лежит расстройство коммуникации, в то время как сам по себе интеллект у них есть.

Присутствует также и речь: ребенок может повторять отдельные слова или целиком предложения, но делает это без смысла, ни к кому не обращаясь. При более легких степенях аутизма появляется феномен, который мы будем обсуждать ниже — ребенок говорит о себе «Ты», то есть у него нет понятия «Я». Даже во взрослом возрасте у тех, кому удалось преодолеть аутизм, сохраняется склонность говорить о себе в третьем лице [12].

Весьма интересно наблюдение над аутистами (как детьми, так и взрослыми), сделанное в 1990-х годах школой Юты Фрит [1]. У этих людей нет так называемой “модели психического” (theory of mind). То есть человек не отдает себе отчета, что думают другие люди и какова может быть их точка зрения на тот или иной предмет. Для детей был разработан известный тест «Салли-Энн». Ребенок видит две куклы, Салли и Энн, а также какой-либо предмет в коробке и пустую коробку. Потом одна из кукол, Салли, уходит, а вторая, Энн, перекладывает предмет из той коробки, где он лежал, в пустую. Ребенка спрашивают: «Когда Салли вернется, в какой коробке она станет искать предмет?» Правильный ответ — в первой, так как она не видела, как его переложили. Но дети-аутисты отвечают, что во второй, поскольку они не

в состоянии встать на точку зрения Салли и полагают, что она знает то же, что и они. Здесь видна корреляция с известными теориями Жана Пиаже о детском эгоцентризме, который полагал, что нормальные дети способны вставать на точку зрения другого человека начиная с пяти лет. У аутистов эта способность может отсутствовать даже во взрослом возрасте.

Здесь есть что-то общее с отсутствием/ослаблением у аутистов самосознания. А именно, и в случае модели психического, и в случае самосознания необходим некий взгляд на себя со стороны, а это означает — отделенность от наличной ситуации, выход за пределы точки здесь-и-сейчас [13].

Но такое возможно, когда точка здесь-и-сейчас не слишком сильно притягивает. По всей вероятности, в этом «притяжении» и заключается главное первичное нарушение при аутизме.

Достаточно часто при обсуждении проблемы РАС речь заходит о том, что у таких детей повышена чувствительность в одном из сенсорных каналов или даже во всех каналах [16]. Они могут быть гиперчувствительны к звукам, свету, прикосновениям. По всей вероятности, мозг уже в раннем возрасте пытается справиться с этой гиперчувствительностью, производя некое генерализованное торможение по всем каналам, так что с нормальной чувствительностью остается только один гиперчувствительный канал, остальные же делаются заторможенными. Так же тормозятся и младенческие рефлексы на внешние стимулы.

Одним из подобных рефлексов у здоровых младенцев является взгляд в глаза [11]. Однако люди с РАС обычно избегают смотреть в глаза, и это наблюдается в том числе и у младенцев. Можно предположить, что распознавание глаз у младенцев с РАС заторможено из-за гиперчувствительности сенсорных каналов.

Теперь рассмотрим, как складывается развитие этого рефлекса у нормальных детей и что можно сказать в этой связи о нарушениях при РАС. Важнейшим шагом на пути развития познавательной активности ребенка

является переход от взгляда в глаза матери к так называемому совместному вниманию (shared attention) — прослеживанию взгляда матери, направленного на какой-либо предмет. Затем появляется и более явный признак совместного внимания — прослеживание указательного жеста [11]. На стадии совместного внимания ребенок учится различать вещи. Сам, в одиночестве, он не делит мир на вещи, или это происходит гораздо позже и достаточно случайно.

Здесь мы должны вспомнить об учредительном акте конституирования смысла, о чем писал Э. Гуссерль [3]. Гуссерль полагал, что любое узнавание предмета основано на реактивации первого учредительного акта — того, в котором субъект впервые познакомился со смыслом данного предмета. Например, любое узнавание ножниц в течение всей жизни отсылает нас к тому моменту, когда мы в детстве впервые познакомимся с ними. Однако Гуссерль не пишет, что первичный учредительный акт всегда имеет триадическую структуру: Другие указывают субъекту на смысл предмета. Так, узнавать ножницы его, скорее всего, научила в детстве мать.

Следовательно, для самого основного акта сознательной деятельности — акта конституирования смысла — необходимо, чтобы ранее произошло взаимодействие с Другими. Благодаря этому на самых ранних стадиях формирования совместного внимания у сознания появляется способность конституировать смыслы. Если совместного внимания нет, субъект не вступает на стадию осмысления мира.

Что же происходит с сознанием субъекта, если он не узнает предметы и не конституирует их смысл? Тогда он находится в плену у наличного здесь-и-сейчас. Я бы назвала это погруженностью, вовлеченностью в перцепцию. Учитывая, что у субъекта какие-то каналы исходно гиперчувствительны, а какие-то заторможены, у него наблюдается сенсорная дезинтеграция — явление, известное при аутизме. Она часто проявляется в отсутствии ощущения собственного тела. Тогда ребенок проводит много часов подряд за сенсорной самостимуляцией (стимминг) — например, трясет перед лицом

руками. Так он упорядочивает поток сенсорных стимулов. Дети могут часами прыгать на батуте, монотонно раскачиваться и т.п. Они живут в мире сенсорики, а не смыслов.

Навыки общения у них также не развиваются с первого торможения рефлекса взгляда в глаза и следующей за ним ступени совместного внимания. Ребенок остается один на один с миром. Ему не у кого научиться, что делать с этим миром, и у него вообще не формируется навык обучения. Современные методы терапии детских вариантов РАС (например, АВА-терапия как вариант бихевиористских методик) построены на создании и закреплении нужных условных рефлексов.

Указательный жест является первым и универсальным означающим в жизни субъекта задолго до того, как в роли означающего начнет выступать слово [5]. Но что такое означающее? Оперирование означающими, даже простое их понимание требует глобального переформатирования сознания субъекта. От непосредственной обработки сенсорной информации сознание переходит к тому, что имеет лишь «потенциальное» бытие. Так я обозначаю онтологическую сущность означающего знака: оно не имеет бытия само по себе, его сущность — указывать на другое бытие. Речь на родном языке абсолютно прозрачна, как хорошие очки. Слова не задерживают внимание на себе, они немедленно переадресовывают его на означаемое. Однако в нашем случае речь идет не о словах, а о самом первом и самом базовом означающем в жизни субъекта — об указательном жесте. Мы понимаем его и пользуемся им, хотя он не является предметом и не имеет смысла сам по себе.

Регион означающих, не имеющих смысла самого по себе, и является «потенциальным». В определенном смысле указательный жест — самое «потенциальное» из всех означающих, потому что у него минимальное количество собственного смысла, он может быть применен ко всему, что можно видеть. Вместе с этим регионом потенциальности в сознание входит некое представление о том, чего нет. Поначалу оно очень смутно, но со временем, по мере появления у ребенка слов и других конвенциональных

означающих, оно расширяется. Сознание в этом возрасте устроено так, что с готовностью воспринимает всяческие попытки расширения горизонта потенциальности. Например, сюда относится фантазия, ролевые игры и игры по правилам, сказки, любовь детей к шутивным абсурдным стишкам и многое другое. Дети как будто специально учатся выходить за пределы точки здесь-и-сейчас, и делают это очень охотно. Однако эта деятельность невозможна без первичных пусковых механизмов, которыми являются совместное внимание в младенческом возрасте, а позднее — овладение указательным жестом. Дети с РАС, не способные к развитию совместного внимания, оказываются как бы запертыми в регионе наличного. У них не развивается горизонт потенциального, как бы сознание ребенка не было способно к этому. Вся активность сознания ребенка с РАС сосредоточена на сенсорном взаимодействии с миром в точке здесь-и-сейчас.

Исходную структуру сознания ребенка можно условно обозначить как эгоцентрическую. Этот термин часто употреблял Пиаже, говоря, например, об эгоцентрической речи [8]. Эгоцентрической является и позиция ребенка, не способного встать на точку зрения другого (имеется в виду отсутствие у маленьких детей модели психического). Эгоцентрическая позиция естественна для ребенка, но не для взрослого. Последнему свойственна позиция эксцентрическая. Этот термин ввел Хельмут Плеснер [9] без всякой связи с Пиаже и теорией возрастных изменений. Говоря об «эксцентризме», мы имеем в виду, что позиция человека, если воспользоваться метафорами, перестает напоминать круг и становится эллипсом — фигурой, у которой есть два фокуса. В эгоцентрической позиции, как следует из ее названия, в центре находится «Я». В эксцентрической оно как бы раздваивается, появляются два «Я»: одно — непосредственное, второе — рефлексивное, дающее возможность отрываться от непосредственного. Следовательно, в некой «точке», где-то в детстве, происходит переход от эгоцентрической позиции к эксцентрической.

Конечно, такой переход не является «точкой». Формирование

эксцентрической позиции происходит постепенно. И начало этому закладывается в раннем детстве пониманием указательного жеста и формированием горизонта потенциальности. Весьма важной вехой на пути формирования этой эксцентрической позиции является появление у ребенка модели психического. В дальнейшем эксцентрическая позиция укрепляется с развитием самосознания и рефлексии. Здесь следует вспомнить еще об одной теории — «тормозной доминанты» Б.Ф. Поршнева [4; 10]. А именно, тот «второй полюс Я», который и появляется в ходе формирования эксцентрической позиции, является и рефлексивным, и одновременно тормозящим по отношению к «непосредственному Я». Поэтому рефлексия сильно тормозит выполнение любых действий. Зато она дает возможность выполнять их более точно. Тормозная доминанта вообще необходима для «тонкой регулировки» наших действий, а также мышления.

Мы видим, что для формирования эксцентрической позиции необходимо участие Других. Еще один этап формирования такой позиции — лакановская «стадия зеркала» [6]. Хотя, по мнению Жана Лакана, она наступает достаточно рано, еще до умения хорошо ходить, разумнее отнести ее к более позднему возрасту или сказать, что она растянута во времени. Ведь в зеркало смотрятся дети любого возраста, да и не только дети. По Лакану, из зеркала мы получаем образ нашего тела, который всегда формируется как внешний по отношению к нам, не совпадающий с данными проприоцепции (ощущения своего тела). Таким образом, наше «Я» также формируется некоторым внешним образом по отношению к нам, мы невольно помещаем себя как бы среди других. Лакан в этой связи подчеркивает разрыв, расщепленность внутри субъекта, мне же хочется сделать акцент на его эксцентричности: то «Я», которое формируется отдельно от нас, является «вторым фокусом», рефлексивным, как бы смотрящим извне на нас самих.

Один исток рефлексии — зеркальный образ «Я». Вторым же, несомненно, является интериоризация Других. Л.С. Выготский указывал, что всякая интрапсихическая функция является вначале интерпсихической: в

детстве Другие смотрели на ребенка и комментировали его действия, затем он сам начинает комментировать свои действия и формулировать их план. Сначала ребенок делает это вслух, и притом зачастую в третьем лице, как будто восполняет неких отсутствующих Других. Потом «эгоцентрическая» речь становится внутренней, а вместе с ней интериоризируется и взгляд Других, который когда-то в детстве всегда сопровождал его.

В старшем возрасте внутренняя речь иногда опять растормаживается. В этом случае она переходит от третьего лица к форме «Мы». По моим наблюдениям, именно так старики бормочут себе под нос: «А теперь мы будем делать то-то... Пойдем-ка мы сначала сюда...» Возможно, интериоризированные Другие постепенно в течение жизни перестают напоминать мать, а становятся как бы равными соучастниками коллективного действия. Ребенок таким же образом может формулировать действия, совместные с матерью.

Мы видим, что у аутистов очень снижены шансы иметь развитую рефлексивность. Поскольку в детстве они мысленно не взаимодействуют с Другими, они и не интериоризируют их. Более того, у них, скорее всего, вообще не создается эксцентрическая структура взрослого «Я».

Очевидно, что при достаточно глубоком аутизме сознание — лишь простая перцептивная вовлеченность. Об этом говорят и наблюдения над аутичными субъектами, которые часами занимаются монотонной самостимуляцией. Однако интереснее изучить сознание при менее глубоком аутизме, когда некоторая деятельность вовне становится все-таки возможной, и исследователи даже считают допустимым говорить о планировании действий, о «внешней экспансии» [7].

Бесценным материалом являются самоотчеты аутистов, которые смогли выйти из этого состояния и со временем достичь возможности социализации. Ярким примером такого рода является повесть Ирис Юханссон «Особое детство» [11]. Автор пишет, что в детстве у нее была бессмысленная речь, и что даже после многих лет социализации ей так и не удавалось по-

настоящему выходить из точки здесь-и-сейчас. Она часто говорит о себе в третьем лице, рассказывает, что долго не могла научиться владеть своим телом и называть себя «я». Все это очень характерно для людей с РАС. Однако некоторые места в этой книге могут навести на мысль, что определенная рефлексия у больной в момент написания повести есть. Во всяком случае, она повествует о себе, пусть и в третьем лице, а для этого уже нужна эксцентрическая форма субъектности.

Что касается людей с легкой формой РАС, то их рефлексия, их понимание других и особенно модель психического продолжают возрастать на протяжении всей жизни. Такое бывает и у многих людей без РАС, но для людей с легким РАС это особенно характерно. Например, та же И. Юханссон стала во взрослом возрасте работать с трудными подростками — деятельность, определенно требующая незаурядной способности становиться на точку зрения Другого. Таким образом, формирование эксцентрической субъектной позиции у них растягивается на всю жизнь, в то время как у большинства нормотипичных людей оно заканчивается в молодом возрасте.

Впрочем, следует заметить, что самосознание вообще формируется раньше и, видимо, легче, чем полнообъемная модель психического. Это следует из наблюдений над нормотипичными, но слегка гносеологически инфантильными молодыми людьми. Речь не идет об экзистенциальной инфантильности, когда, например, человек живет за счет других, не берет на себя ответственность за свою жизнь и т.п., но о специфическом отсутствии именно модели психического, то есть способности встать на точку зрения другого человека. Молодые люди часто ведут дневники, то есть самосознание у них не просто есть, а сформировано как доминантная познавательная структура. В то же время они, например, могут сдать преподавателю свою работу неподписанной, поскольку не догадываются встать на точку зрения преподавателя, у которого будет много таких работ. При выступлениях они забывают представляться, поскольку не встают на точку зрения слушателей, которые их не знают. Подобные примеры показывают, что модель

психического часто остается желательным, но не обязательно достигнутым уровнем сознания. Они говорят о том, насколько рефлексия является интериоризацией воображаемых Других и насколько мало — реальных Других.

Итак, при глубоком аутизме сознание не конституирует смыслы предметов и не улавливает связей между предметами мира. У него нет эксцентрической структуры. На следующем этапе эксцентрическая структура появляется: возникает некоторая рефлексия в виде самоотчета в третьем лице. Здесь совершается большой для каждого аутиста скачок — овладение речью. Если речи нет, то нет и самоотчета. Существует ли у таких субъектов хотя бы какая-то рефлексия, остается неизвестным. Теоретически, речь для рефлексии не необходима, для нее достаточно интериоризировать Других в виде их взгляда. И хотя трудно представить себе рефлексия у аутиста без речи, но выносить окончательное суждение здесь нельзя.

Если овладение коммуникативной речью хотя бы немного происходит, то осмысление мира и рефлексия становятся более доступными. Начиная с этого этапа можно говорить о самосознании. Аутисты часто говорят о себе в третьем лице, и это еще не худший случай. Хуже когда они говорят о себе во втором, а это случается весьма часто. Когда к ребенку обращаются: «Ты хочешь кушать?», — он, когда проголодается, говорит ту же фразу: «Ты хочешь кушать?», и даже с вопросительной интонацией. Это говорит о том, что он пользуется речью, едва ли понимая, в нашем смысле, значение произносимых слов. Со временем второе лицо глагола может заменяться третьим и получается: «Ты хочет кушать!», как будто «ты» является его именем. Такая стадия должна иметь место и у нормотипичных детей, но, видимо, она проходит очень быстро, заменяясь третьим лицом: «Петя хочет кушать». У аутистов же она задерживается, иногда надолго. По-видимому, субъект в этом случае не прислушивается к речи других между собой, что помогло бы ему вычленив правила употребления «Ты» и «Я». Но интересоваться тем, что не касается его, аутист не может. Он не способен

оторваться от своего наличного здесь-и-сейчас.

Если считать, что «Ты» субъект использует как имя собственное, то у него уже может быть самосознание, но еще не рефлексия. Он обладает, говоря словами психиатров-феноменологов, «минимальным Я» [16], то есть способностью относить свои мысли и действия к самому себе, неким подобием кантовского трансцендентального единства апперцепции. Если в будущем случится так, что субъекта удастся вытащить на уровень социализации, то он сможет рассказать о том, что происходило с ним ранее, как это случилось с И. Юханссон. Это самая первая ступень самосознания, коррелирующая со способностью базового различения смыслов и таким же базовым овладением речью. Рефлексии мы тут еще не видим, модель психического также невозможна. В терминах эксцентричности она тут только начинает появляться.

Вторая ступень — овладение социальной речью с правильным употреблением «Я». Для РАС это уже высокий уровень, даже если ребенок не способен ходить в школу. Однако его можно научить многим действиям в мире («уровень экспансии» по О. Никольской). У таких детей бывают срывы в «аут» — истерики, монотонные крики с бессмысленными стереотипными движениями, и явно видно, что у них не создается устойчивого равновесия между возбуждением и торможением. Это не удивительно, если учесть, что с самого начала такие дети страдали гиперчувствительностью и вытормаживанием определенных сенсорных каналов — формирование возбуждающих и тормозящих структур мозга не могло у них проходить нормотипическим образом.

Третья ступень — появление хотя бы начальной модели психического. Вместе с ней появляются рефлексия и собственно нормотипическое самосознание. Здесь мы отчетливо фиксируем эксцентричность. В принципе, такого субъекта уже нельзя назвать аутичным, хотя у него может наблюдаться сниженная (и даже сильно) социальность, периоды стимминга и даже приступы «аутов». Эти высокофункциональные аутисты сохраняют

особенности восприятия мира, например они не понимают юмора, иронии, подтекстов, намеков [11], для чего, видимо, надо особенно хорошо уметь вставать на точку зрения, отличную от собственной. Ф. Аппе указывает, что если это дети, то у них отсутствует символическая игра, в которой один предмет является знаком другого предмета (например, банан в игре символизирует телефонную трубку). Очевидно, что высокофункциональные аутисты в некоторой степени сохраняют непосредственную вовлеченность в точку здесь-и-сейчас, как об этом свидетельствует И. Юханссон.

Наконец, последняя ступень выхода на уровень эксцентрической позиции — это формирование полной модели психического. Ее порой не достигают и нормотипичные молодые люди, да и многие взрослые, удовлетворяющиеся той степенью развитости способности вставать на точку зрения Другого, которая обеспечивает им относительно бесконфликтное сосуществование с социумом. При этом нельзя исключить, что у некоторых людей увеличение уровня развитости модели психического происходит всю жизнь.

И последнее замечание. Второй полюс «Я» помимо своей рефлексирующей деятельности сильно тормозит социальные «рефлексы» непосредственного «Я». Речь идет о «рефлексах» не в биологическом смысле, но о тех непосредственных реакциях, которые носят социальный характер и копируются нами путем имитации Других. К ним относятся «стадные инстинкты» (опять же далеко не в биологическом смысле), которые охватывают человека в толпе, а также прочие страсти и инстинкты человека, — вообще все то, что первым появляется в качестве реакции на внешние стимулы. Они первым делом вытормаживаются у человека его индивидуальной рефлексией. Таким образом, рефлексия парадоксальна: будучи по происхождению социальной, то есть интериоризацией взгляда Других, она работает против непосредственной социальности. Такого рода высшее торможение — один из сущностных принципов человека. Общая необходимость торможения для утонченности реакций может быть

продемонстрирована на примере работы мозжечка. Эта часть мозга совершенно необходима для точности движений, причем она оказывает на них почти только тормозящее действие. Высшие функции, такие как взвешенное принятие решений, тоже требуют торможения всевозможных эмоциональных и социальных импульсов. Мы полагаем, что такой «центр торможения» должен быть именно централизованной, управляющей инстанцией, а не случайно распределенными тормозящими участками. Это и есть рефлексорирующее «Я», которое вырывает нас из плена непосредственных «стимул-реакций». Благодаря данной инстанции, тормозящей правоту непосредственности первичного «Я», у нас возможно критическое отношение к себе. Мы можем смотреть на себя со стороны, нелицеприятно осудить себя (что, правда, бывает не так уж часто). В нас содержится инстанция «против себя», которая, собственно, и дает нам возможность быть людьми.

Литература

1. *Аппе Ф.* Введение в психологическую теорию аутизма. М.: Теревинф, 2006.
2. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций // *Выготский Л.С.* Собр. соч. В 6 т. Т. 3. / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328.
3. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука; Ювента, 1998.
4. *Косилова Е.В.* От суггестии к сознанию // *Вопр. философии.* 2012. № 3. С. 15–27.
5. *Косилова Е.В.* Феноменологический анализ роли Других в формировании горизонта потенциальности // *Вопр. философии.* 2016. № 1. С. 82–91.
6. *Лакан Ж.* Стадия зеркала как образующая функцию «Я» // *Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М.: Русское феноменологическое о-во, 1997.

7. *Никольская О.С.* Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. М.: МГППУ, 2008.
8. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
9. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: Росспэн, 2004.
10. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. СПб.: Алетейя, 2007.
11. *Сергиенко Е.А.* и др. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2009.
12. *Юханссон И.* Особое детство. М.: Теревинф, 2010.
13. *Happé F., Frith U.* The weak coherence account: detail-focused cognitive style in autism spectrum disorders // *J. Autism Dev. Disord.* 2006. Vol. 36, N 1. P. 5–25.
14. *Baron-Cohen et al.* Talent in autism: hyper-systemizing, hyper-attention to detail and sensory hypersensitivity // *Phil. Trans. R. Soc. B.* 2009. N 364. P. 1377–1383.
15. *Cohen Sh.* Targeting autism. Univ. of California Press, 2006.
16. *Gomes E., Pedroso F.S., Wagner M.B.* Auditory hypersensitivity in the autistic spectrum disorder // *Pro Fono.* 2008. Vol. 20, N 4. P. 279–284.
17. *Sass, L., Parnas, J.* Schizophrenia, Consciousness, and the Self // *Schizophrenia Bulletin.* 2003. Vol. 29, N 3. P. 20.

Kosilova E.V. Self-consciousness in autism

Abstract. The formation of rational consciousness and self-consciousness in normal and autistic spectrum disorders (ASD) is studied. First of all, there is a lack of theory of mind (other people's minds) in ASD: a subject with ASD cannot stand up to another person's point of view. They do not have a communicative speech, so there is no learning in childhood. According to numerous data, ASD is based on sensory disturbances in the form of hypersensitivity. This leads to inhibition in

many sensory channels, as well as inhibition of a number of reflexes. There is no eye contact, which results in no shared attention. The child does not follow the mother's look and does not understand the index gesture. The index gesture is a universal gesture, which forms the subject's potential horizon. This horizon makes it possible to escape from the point here-and-now. This leads to a change in the structure of the subject from egocentric to eccentric. The eccentric position (Plessner) means that the subject has an immediate Self and a reflexive Self. To form an eccentric position, the participation of Others is necessary. However, in the case of autism, there is no potentiality horizon and no eccentric position. The origin of reflexion is analyzed and it is indicated that the reflexive Self is formed by the interiorization of the Other's view and speech. Therefore, the formation of the reflexive self is impossible without interaction with the Others. The conclusion is made that self-consciousness is formed earlier than reflexion, and the theory of mind is formed later. The formation of the theory of mind, as well as the eccentric position itself, can last for the whole life of the subject. The assumption is made that this happens in some subjects with ASD who have managed to overcome autism. The question of inhibitory dominance in an eccentric subjective position is also considered. The reflexive Self has an inhibitory effect on the immediate Self, thus achieving subtlety in self-control and detachment from internal impulses.

Key words:

For citation: Kosilova E.V. Self-consciousness in autism // *Chelovek*. 2019. N 2. P. DOI:

References

1. Happé F. *Vvedenie v psihologicheskuyu teoriyu autizma* [Introduction into the psychological theory of autism]. Moscow: Terewinf Publ., 2006.

2. Vygotskij L.S. Razvitie vysshih psihicheskikh funkcij [The Development of Higher Mental Functions]. Vygotskij L.S. *Sobr. soch.: V 6 t.* T. 3, A.M. Matyushkin

(Ed). Moscow: Pedagogika Publ, 1983. P. 5–328.

3. Husserl E. Kartezijskie razmyshleniya [Cartesian Meditations]. St. Petersburg: Nauka; Uventa Publ., 1998.

4. Kosilova E.V. Ot suggestii k soznaniyu [From Suggestion to the Consciousness]. *Voprosy filosofii*. 2012. N 3. P. 15–27.

5. Kosilova E.V. Fenomenologicheskij analiz roli Drugih v formirovanii gorizonta potencial'nosti [Phenomenological analysis of the Role of Others in the Horizon of Potentiality]. *Voprosy filosofii*. 2016. N 1. P. 82–91.

6. Lacan J. Stadiya zerkala kak obrazuyushchaya funkciyu «YA» [The Mirror Stage as Formative of the I Function]. Lacan J. *Instanciya bukvy v bessoznatel'nom ili sud'ba razuma posle Frejda* [The Instance of the letter in the Unconscious or the destiny of the Reason after Freud]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe o-vo [Russian Society for Phenomenology], 1997.

7. Nicolskaya O.S. *Affektivnaya sfera kak sistema smyslov, organizuyushchih soznanie i povedenie* [The Affective Sphere as a system of meanings organizing mind and behavior]. Moscow: MGPUU Publ., 2008.

8. Piaget J. *Rech' i myshlenie rebenka* [Speech and Thinking of the Child]. Moscow: Pedagogika-Press, 1994.

9. Plessner H. *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [The Levels of the Organic and Man, Introduction to Philosophical Anthropology]. Moscow: Rosspan Publ., 2004.

10. Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoj istorii: problemy paleopsihologii* [On the beginning of the History of Man: Problems of Paleopsychology]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2007.

11. Serginko E.A. et al. *Model' psicheskogo v ontogeneze cheloveka* [Theory of Mind in the Ontogenesis of Man]. Moscow: In-t Psichologii RAN Publ., 2009.

12. Johansson I. *Osoboe detstvo* [A Different Childhood] Moscow: Terewinf Publ., 2010.

13. Happé F., Frith U. The weak coherence account: detail-focused cognitive

style in autism spectrum disorders. *J. Autism Dev Disord.* 2006. Vol 36, N 1. P. 5–25.

14. Baron-Cohen et al. Talent in autism: hyper-systemizing, hyper-attention to detail and sensory hypersensitivity. *Phil. Trans. R. Soc. B.* 2009. N 364. P. 1377–1383.

15. Cohen Sh. *Targeting autism.* Univ. of California Press, 2006.

16. Gomes E., Pedroso F.S., Wagner M.B. Auditory hypersensitivity in the autistic spectrum disorder. *Pro Fono.* 2008. Vol. 20, N 4. P. 279–284.

17. Sass L., Parnas J. Schizophrenia, Consciousness, and the Self. *Schizophrenia Bulletin.* 2003. Vol. 29, N 3. P. 20.

Kosilova Elena Vladimirovna — Ph.D. in Philosophy, docent, Faculty of Philosophy at the Lomonosov Moscow State University (Lomonosovsky Prospect, 27–4, GSP-1, 119991 Moscow, Russian Federation). This article is her first contribution at the *Chelovek* journal. E-mail: implicatio@yandex.ru